

УДК 316.722

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

О. В. КУРБАЧЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Осуществлен социально-философский анализ особенностей и стадий протекания этнокультурного конфликта. Выявлены отличия этноконфликта как особого вида социального типа конфликтов от других видов. Рассмотрена специфика проявления этностереотипов, а также характерные черты осознанного противостояния этнокультурных групп. Акцентировано анализируется стадия развертывания этнического противоборства как период «конфликта стереотипов» и «конфликта идей». Обозначены основные векторы действий и потенциальная возможность нейтрализации этнокультурной напряженности.

Ключевые слова: конфликт; этноконфликт; культура; диалог культур; этнос; этнокультурная идентичность; этностереотипы; этнофобия; конфликт идей.

SOCIO-PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF ETHNO-CULTURAL TENSION IN THE PERIOD OF GLOBAL CHALLENGES

O. V. KURBACHEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyzes the peculiarities and stages of ethno-cultural conflict. The differences of ethnoconflict as a special type of social conflict from other types of conflicts are explicated. The article analyzes specific of ethnic stereotype and main features of conscious confrontation of ethno-cultural groups. The initial stage of the ethnic confrontation is considered as a period of «conflict of stereotypes» and «conflict of ideas». Author defines the potential and basic actions for neutralization of ethno-cultural tension.

Kew words: conflict; ethno-conflict; culture; dialogue of cultures; ethnos; ethno-cultural identity; ethnostereotypes; ethnophobia; conflict of ideas.

Современная социокультурная ситуация характеризуется интенсификацией миграционного процесса, актуализацией вопросов этнокультурного самоопределения и нарастанием тенденций к сепаратизму. Взаимодействие различных культур, вступивших в непосредственный и продолжительный

контакт, становится непосредственным основанием для более детального и предметного исследования проблем и особенностей этнокультурного диалога. В условиях становления транскультурной модели социокультурной и цивилизационной динамики, нарастающей глобальной нестабильности

Образец цитирования:

Курбачёва О. В. Социально-философское осмысление этнокультурной напряженности в период глобальных вызовов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 59–63.

For citation:

Kurbacheva O. V. Socio-philosophical understanding of ethno-cultural tension in the period of global challenges. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 59–63 (in Russ.).

Автор:

Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga V. Kurbacheva, PhD (philosophy); associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kurbach.ova@gmail.com

наиболее остро понимается вопрос о перспективах этнокультурного взаимодействия и преодоления возможных этнокультурных конфликтов.

На данный момент наблюдается реальный процесс эскалации этнокультурной напряженности. Этнические противоречия в период нарастания миграционного процесса и интенсивного процесса аккультурации становятся катализатором конфликтотогенной ситуации. При этом следует отметить, что этнокультурная напряженность может проявляться не только в открытой форме (столкновение), но и в скрытой (на уровне социокультурной конкуренции, негативного оценочного сравнения и т. д.). Латентные и не всегда осознанные причины (например, пережитая «историческая несправедливость», низкая статусность этнической группы и др.) могут послужить основанием для осознания этнического конфликта или его иррациональной интенцией. В силу актуальности исследований, сложности и многогранности проблемы этнокультурного конфликта в настоящей статье ставится целью осуществление социально-философского исследования этнокультурного конфликта как феномена путем раскрытия основных причин, типов и уровней проявления противоречий между этнокультурными общностями.

Безусловно, этноконфликт как один из типов социального противостояния обладает инвариантными характерными признаками (биполярность, активная форма проявления, наличие субъектов и причины противодействия). Вместе с тем этнокультурный конфликт представляет собой особую форму противоборства и имеет специфические черты проявления. Сфера межэтнических отношений чрезвычайно сложна и может включать в себя более двух субъектов (этнических групп) взаимодействия, каждый из которых отличается по различным признакам, находящимся в плане конфессиональной, культурной и национальной идентичности. Акцентируя внимание на особенностях проявления и разрешения именно этнокультурного конфликта, важно учитывать тот факт, что невозможно абстрагироваться и провести четкую линию демаркации от конфессиональных и национальных факторов воздействия к эскалации этнокультурной напряженности. В данном ключе корректнее говорить о различных (этнотерриториальной, этноэкономической, этнополитической, этносоциальной, этнорелигиозной, этнодемографической и этномиграционной) сферах проявления этнического конфликта [1, с. 109], каждая из которых актуализирована рядом особых причин. Так, например, изменением соотношения численности коренного населения и мигрантов обозначена этномиграционная сфера; ограниченностью ресурсной базы или монополизацией какого-либо вида экономической деятельности одним этносом – экономиче-

ская; угрозой сформированной или принудительной ассимиляции – этнокультурная и т. д. Тем не менее важно отметить, что в конфликте всегда обнаруживается несколько контекстов и пересечение различных факторов вне зависимости от сферы применения. Более того, этнокультурный конфликт всегда исторически обусловлен и оказывает существенное влияние на этнопсихологию общности: укореняются представления об исторической несправедливости, уязвленности, осознание статуса собственной группы. Важно выявить и проанализировать особенности протекания межэтнических конфликтов, поскольку сегодня такое противостояние способно стать источником глобального конфликта, постепенно вовлекая в зону риска интересы других субъектов и расширяя свои символические и реальные границы.

В первую очередь следует отметить, что проблематика этнокультурных конфликтов не является до конца проработанной. Несмотря на весьма репрезентативную теоретическую базу исследований конфликта как такового, обнаруживается нехватка концептуально-теоретических работ и исследований, опирающихся на современную эмпирическую базу этноконфликтных действий. Среди русскоязычных авторов, изучающих проблему социального этнокультурного конфликта, можно выделить А. Г. Здравомыслова, Ю. Г. Запрудского, Е. И. Степанова, Н. В. Гришину и др. Среди англоязычных исследователей отметим Р. Дарендорфа, Дж. Бернарда, Р. Бейли, Дж. Льюка, Л. Козера, Р. Макка и др. Детально и предметно проанализирован феномен социального конфликта, его типология и классификация. Вместе с тем исследования непосредственно этнокультурного конфликта часто носят обзорно-аналитический характер, в связи с чем обнаруживается недостаточность именно философско-методологических работ, посвященных природе и особенностям непосредственно этнокультурных конфликтов, выявляющих глубинные причины разногласий, специфику их проявления и возможности преодоления.

Для исследований особенностей этноконфликта в первую очередь следует очертить терминологические границы самого понятия. Апеллируя к дефиниции А. Г. Здравомыслова, одного из главных теоретиков социологии конфликта, можно привести понимание конфликта как важнейшей стороны взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточки социального бытия. Конфликт является формой отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями [2, с. 96]. При этом важно отметить, что конфликт между культурами и типами этнокультур предполагает не столкновение определенных субъ-

ектов взаимодействия, а скорее символическое поле противостояния и отсутствие конкретного носителя. Несмотря на то, что при апелляции к данной дефиниции автором не уточняется природа противостояния (причина конфликта объективная – извне, или же субъективная – изнутри, основанная на личностном понимании и неприятии), тем не менее акцентируется сам факт взаимодействия субъектов, их биполярность, являющаяся ядром конфликтных отношений, инвариантной характеристикой любого социального конфликта. Вместе с тем социальная противоположность не является абсолютной непосредственной отсылкой к конфликту. Для этого необходимо не просто биполярное противопоставление, а именно «активное взаимодействие сторон, направленное на преодоление разделяющего их противоречия» [3, с. 22]. Активное и осознанное противостояние является основанием для классификации межэтнических отношений как конфликтных. Однако при анализе формальной теоретической схемы этноконфликта важно всегда учитывать социокультурный контекст межэтнического взаимодействия.

Так, сегодня, в период возрастания этнокультурных взаимодействий, одновременно актуализируется стремление к этноренессансу и возрастанию уровня этноцентризма. Диалектичный характер данного явления объясняется тем, что, с одной стороны, этнические группы преимущественно являются не закрытыми, а перманентно вступающими в диалог с иными этносами, а с другой – в группах активизируется защитная реакция – стремление сформировать «мы-образ», свою этническую идентичность. Границы группового членства в этнической группе всегда подвижны, однако когнитивное, психоэмоциональное и поведенческое ядро идентичности достаточно устойчиво для того, чтобы провести линию «мы – они». Если представить, что сегодня насчитывается более двух тысяч этносов, которые отличаются друг от друга культурными, мировоззренческими и психоэмоциональными особенностями (при этом 90 % населения Земли – это представители 267 этносов, численность которых более миллиона человек), а большие и малые по численности этносы находятся в открытом взаимодействии, можно предположить, что возможно несовпадение интересов и притязаний разных этнических общностей [4, с. 207].

Следующим важным шагом в исследовании этнокультурного конфликта является анализ стадий развертывания этноконфликта как такового. Апеллируя к теориям современных конфликтологов, можно говорить о таких важнейших этапах (стадиях), как латентная, осознанного соперничества, эскалации, конфликтных действий, кризисная. Стадию конфликтных действий, а соответственно, и кризисную стадию, проявляющуюся в реальной

этнокультурной конфронтации, можно предотвратить или ослабить. Адекватное и результативное достижение этой цели зависит от протекания, управления и разрешения конфликта еще на уровне латентной фазы или даже на этапе осознанного соперничества. В связи с этим важно более предметно обратиться именно к начальным фазам возникновения этнокультурной напряженности.

На первичном этапе конфликта, когда еще нет явного противостояния и осознанной негативации образа Другого (этноса, нации, культуры), формируется так называемый *конфликт стереотипов* [3, с. 189]. Эта фаза межэтнической напряженности является очень важной, так как осознание наличия конфликтной ситуации на данном этапе может позволить разрешить или преодолеть возможное столкновение, а также перенаправить конфликтную ситуацию в конструктивное или нейтральное русло. Так, этнокультурный стереотип отражает обыденный усредненный уровень концептуализации культурной специфики той или иной этнической общности. Содержательно этностереотипы представляют собой коллективное устойчивое и эмоционально окрашенное представление одной этнической группы о другой и о самой себе, в котором фиксируется оценочное суждение о моральных, умственных, психоэмоциональных, физических и других качествах [5, с. 15]. В рамках стереотипизации происходит генерализация культурных ценностей и ассоциаций, а также аккумуляция последних в некий схематичный и упрощенный образ другой культуры. Стереотипное мышление на индивидуальном уровне взаимодействия между представителями различных этносов чаще всего оказывает сильное влияние на ожидания и формирование ассоциативного контекста (определенной модели поведения, ожидаемого образа). Наиболее часто это проявляется на уровне аскриптивной (приписываемой) этнокультурной идентичности, которая ведет к несовпадению видов самоотождествления: как себя идентифицирует непосредственно сам представитель этнической группы и как опознают его другие, исходя из внешних антропогенетических маркеров [7, с. 49]. Следует отличать такие типы этнических стереотипов, как авто- и гетеростереотипы. Автостереотипы – это комплекс представлений этнической группы о собственной культуре. Важно отметить, что автостереотипы несут в себе вполне объяснимую психологическую нагрузку – защитно-адаптивную функцию. Защита групповых интересов, формирование собственного облика на психоэмоциональном и социокультурном уровне позволяют этнической группе адаптироваться при встрече с другой культурой. При этом важно учитывать, что этническая группа может придерживаться как положительной, так и отрицательной формы оценивания собственной культуры. При положитель-

ной или высокой самокатегоризации у этнофора (носителя определенной этнической культуры) обнаруживается чувство удовлетворенности своим членством в этнической общности, желание принадлежать к ней, гордость быть ее частью. В противоположность ситуации наблюдается наличие негативных социальных установок, чувств стыда или униженности, связанных со своей культурой. Это, в свою очередь, также может послужить основанием для возникновения этнокультурной напряженности, целью в таком случае будет выступать восстановление «исторической несправедливости», компенсация обиды за счет других, более слабых, групп. Внешняя же этнокультурная стереотипизация (гетеростереотипы) зачастую носит именно негативно-ограничительную функцию: оценочное сравнение своей и чужой группы с явным превалированием в оценках в пользу первой или неосознанным навязыванием негативного образа Другого, что может проявиться на уровне этнофобии.

Завершающим и своего рода переходным этапом от латентной стадии к фазе осознанного соперничества является этап *конфликта идей*. В рамках этого этапа оформляются и осознаются притязания на значимость, инаковость и одновременно несовместимость ценностей, интересов и целей этнических групп. Это своего рода фрустрационная фаза межэтнической напряженности. Рост этнокультурной напряженности безусловно связан с вопросом осознанности отношений и действий. Данный этап отличается не тем, что отношение к другому этносу рационализировано, а тем, что сам факт неприятия, соперничества и напряженности в отношениях уже не скрыт, а принимается как данность. При этом наиболее распространенным показателем эскалации этноконфликта выступает дальнейшее сужение когнитивных элементов в отношении к другой группе и переход к примитивным способам отражения образа другого этноса, т. е. усиление стереотипизации, что может быть выражено в акцентированности негативных сторон, отождествлении Другого с потенциальным и актуальным злом, негативным ожиданием или недоверием к иному этносу. Все, что исходит от другого этноса, будет восприниматься как потенциальная угроза. Постепенно вытесняется адекватный образ Другого и происходит его «деиндивидуализация»: всякий, кто принадлежит к иной группе, автоматически расценивается как потенциальный враг.

Среди признаков эскалации напряженности можно отметить также и переход от рациональных аргументов к личным претензиям, что приводит лишь к углублению, противоречию и росту психоэмоциональной напряженности. По мере разрастания эскалации возможно как увеличение количественного состава противоборствующих сторон, так и переход к более глубинным, духовно-миро-

воззренческим основаниям неприятия Другого. Это одна из сложнейших стадий конфликта, для которой характерен минимальный уровень управляемости. Для данной фазы свойственна потеря изначального предмета разногласий и вместе с тем расширение границ самого конфликта. Это своего рода особый тип эскалации – «генерализация», в рамках которой увеличивается противопоставление, расширяется символическое поле конфликта. Эскалация может проходить и по следующему сценарию: «укрупнение» заключается в увеличении численности противоборствующих сторон за счет привлечения на одну из них этнически или конфессионально близких народов [6, с. 210]. Такой сценарий «горизонтальной эскалации» имеет достаточно серьезные последствия, так как потенциально может разрастись от локального до межрегионального или глобального уровня. Этнокультурные притязания при этом переходят в форму межнациональных угроз и столкновений. Стадия осознанного соперничества и обостренной эмоциональной напряженности при наличии определенных мобилизующих внешних факторов достаточно быстро может перейти в стадию реальной эскалации и проявления конфликтных действий. Этап, на котором конфликтующие стороны уже прибегают к реальному насилию, является критическим, на нем уже достаточно сложно достичь управления конфликтом и его разрешения.

Обострение, сложности разрешения конфликтных ситуаций и наличие реальных жертв этнических конфликтов становятся абсолютно явной и важнейшей причиной, выявляющей необходимость преодоления и урегулирования этнокультурных конфликтов до стадии их эскалации. Один из важнейших способов нейтрализации конфронтации – это осознанность и легитимация конфликта. Когда конфликт признается как реальная угроза для социокультурной стабильности и нарушения прав и свобод человека, можно применить различные меры по предотвращению эскалации. Признание конфликтогенной ситуации позволяет обнаружить «скрытые» причины ее обострения, уйти от примитивизации в восприятии Другого и найти основания для компромисса или ослабления этноконфликта. Нейтрализация конфликтной напряженности между этносами является залогом адекватных, мирных и уважительных взаимоотношений. Среди наиболее важных и своевременных шагов по предотвращению потенциальных или реальных силовых конфликтных действий можно выделить такие, как *легитимация конфликта* (официальное признание властными структурами ситуации этнокультурной напряженности) и *институционализация конфликта* (выработка четких правил и норм, регламентирующих поведение конфликтующих сторон) [3, с. 357]. Для обеспечения равенства сторон и гласности

сложившейся ситуации современные конфликтологи указывают на необходимость введения института посредничества и информационного освещения сложившегося конфликта. Посредник (незаинтересованный этнос, страна, правительство) принимает на себя роль медиатора при организации переговоров и контроле соблюдения принятого регламента поведения. Гласность и открытость, в свою очередь, не позволяют скрывать от общества потенциальную угрозу конфликта и дадут возможность рационализировать, осознать и увидеть ее со стороны.

Важно отметить, что современные конфликтологи утверждают, что сам конфликт представляет собой естественный элемент социального взаимодействия и важно уходить от однозначной интерпретации его деструктивного характера. Акцентируется внимание на допустимости протекания конфликта в конструктивном формате, с потенциальной и принципиальной возможностью управления конфликтными действиями. Однако для осуществления потенциальных управленческих действий в рамках конфликтогенной ситуации важно четко дифференцировать ее типы, причины и этапы. Этнический конфликт, являясь его разновидностью, обладает инвариантными характерис-

тиками социального конфликта (наличие субъектов, биполярность, активная форма противостояния и т. д.). При этом этнический конфликт отличается рядом характерных черт: исторической обусловленностью, выходом на уровень национальных отношений, длительным влиянием на коллективную память и психологию этноса. Однако правомерно отметить, что кроме деструктивной роли этноконflikта, можно говорить и о возможном конструктивном его значении. Безусловно, степень обострения этнических взаимоотношений достаточно варьировуемая: от общего недоверия и конструирования этнопсихологического портрета врага до реального применения насилия. Однако до выхода конфликта на уровень эскалации, когда возможны его нейтрализация и управление им, внешняя угроза со стороны одной этнокультурной группы может способствовать повышению уровня адаптационных способностей для внутригрупповой идентичности и сплоченности другой. Однако в силу масштабности, длительности и серьезности последствий межэтнических конфликтов, их разрешение и управление ими сегодня является одной из центральных задач как на правительственном, так и на межличностном уровне взаимодействия.

Библиографические ссылки

1. Гуськов А. Я., Алексеев С. В., Говядкин И. Е. и др. Конфликтология. М. : Проспект, 2013.
2. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М. : Аспект-Пресс, 1996.
3. Гришина Н. В. Психология конфликта. 3-е изд. СПб. : Питер, 2015.
4. Лучишева Л. В. Современные концепты причин этнических конфликтов // Вестн. экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 206–209.
5. Аймаганбетов А. Б. Кросскультурное исследование этнических стереотипов (на примере республики Казахстан) : автореф. дис. ... канд-та психол. наук : 19.00.05. Алматы, 2010.
6. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. 4-е изд., испр. и доп. М. : Аспект-Пресс, 2009.
7. Курбачёва О. В. Социально-философский анализ формирования социокультурной идентичности у мигрантов // Философия и социал. науки. 2016. № 4. С. 48–53.

References

1. Gus'kov A. Y., Alekseev S. V., Govyadkin I. E. et al. [Conflictology]. Moscow : Prospekt, 2013 (in Russ.).
2. Zdravomyslov A. G. [Sociology of conflict]. Moscow : Aspekt-Press, 1996 (in Russ.).
3. Grishina N. V. [Psychology of conflict]. 3rd ed. Saint Petersburg : Piter, 2015 (in Russ.).
4. Luchsheva L. V. Contemporary Concepts of Reasons for Ethnic Conflicts. *Vestnik econ., prava i sotsiologii*. 2015. No. 1. P. 206–209 (in Russ.).
5. Aimaganbetov A. B. [Cross-cultural research of ethnic stereotypes (on the example of the Republic of Kazakhstan)] : dis. abstr. ... PhD (psychology) : 19.00.05. Almaty, 2010 (in Russ.).
6. Stefanenko T. G. [Ethnopsychology]. 4th ed. Moscow : Aspekt-Press, 2009 (in Russ.).
7. Kurbacheva O. V. Socio-philosophical analysis of the formation of social and cultural identity of migrants. *Filosofia i sotsialnye nauki* [J. Philos. Soc. Sci.]. 2016. No. 4. P. 48–53 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 30.10.2017.
Received by editorial board 30.10.2017.